

Гу Шаобай, глядя на спокойное и постепенно холоднееющее лицо Цзи Цзяньчэня, почувствовал сладковатый привкус крови на зубах. С вызовом он изогнул уголок губ:

— Весело?

Цзи Цзяньчэнь отпустил его, вытер тыльной стороной руки уголок рта и с легкой улыбкой ответил:

— Неплохо!

Гу Шаобай поправил воротник, который был разорван зубами, и, не сказав больше ни слова, развернулся и ушел.

Не сделав и двух шагов, он снова почувствовал, как его рукав кто-то схватил. Голос сзади звучал с оттенком сожаления:

— На этот раз... ты действительно рассердился?

Гу Шаобай просто потерял дар речи. В этот момент он как никогда хотел обладать невероятной силой, чтобы одним ударом отправить этого негодяя куда подальше!

подавив гнев, он с невозмутимым лицом обернулся:

— Цзи Цзяньчэнь, ты блуждал среди бесконечных наслаждений, переспал с бесчисленным множеством людей как на кровати, так и вне ее. Как же ты не можешь понять, что я тебе не подхожу?

Ван Сыдао стоял в тронном зале, как деревянная статуя, слушая доклад министра Палаты Дали о том, что Сунь Биньцзы покончил с собой в тюрьме, боясь наказания. Его грудь была пуста, словно кто-то вырвал из нее сердце.

В полузабытьи он увидел шестилетнего ребенка, протягивающего ему грязную миску с двумя монетами; затем подростка, живущего в маленьком дворике в столице, который, увидев его, радостно подбегал к нему; затем юношу, полного сил и энергии... И наконец, темную тюремную камеру, где этот человек навсегда исчез...

— Ван-айцин...

— А? — Ван Сыдао резко поднял голову.

Император Цзячжэн с улыбкой смотрел на него:

— Каково ваше мнение относительно доклада князя И?

Ван Сыдао поспешно опустился на колени:

— Ваше Величество, прошу прощения. Ваш слуга слегка простудился, и у меня звенит в ушах. Я не расслышал, что докладывал князь И.

Император с заботой произнес:

— Если дядя нездоров, лучше отдохните в своей усадьбе. Такая нагрузка — это моя неосмотрительность.

Ван Сыдао снова поклонился, благодаря за милость.

Когда он вышел из зала Циньчжэньдянь, министр церемоний сообщил ему, что император, будучи милосердным, одобрил просьбу князя И. Сунь Биньцзы будет похоронен в официальном «Безымянном кургане» на окраине столицы, где хоронят тех, у кого нет детей, а не брошен в дикой местности.

Ван Сыдао в полной растерянности вернулся в свою усадьбу, охваченный болью и ненавистью, и слег в постель, не вставая две недели.

Дом Гу был окутан печалью после побега Ли Чжэньхэ.

Неудивительно, что Цзи Цзяньчэнь смеялся. Даже Гу Шаобай хотел рассмеяться. Ли Чжэньхэ забрала все свои драгоценности и серебро, не оставив даже серебряных крючков с кровати и набора фарфора из официальной печи. Ли Цзюнь не осмелился унести крупные вещи, только собрал несколько незаметных антикварных предметов. Судя по их жадности, даже если они сбежали, вряд ли разбогатеют.

Хотя Гу Шаобай всегда не любил показное поведение Ли Чжэньхэ, видя, как отец вздыхает, он тоже чувствовал себя неловко.

Кроме того, в последние дни Му Цинфэн тоже не давал ему покоя, постоянно доставляя неприятности. Каждый день он присылал слугу с приглашением. Гу Шаобай сначала вежливо отказывался, но в конце концов его терпение иссякло.

— Князь приглашает третьего господина навестить его.

Гу Шаобай:

— Благодарю князя за его доброту. Шаобай слегка простудился и не может прийти.

Кому охота с ним разговаривать?

— Князь получил картину и просит господина оценить ее.

Гу Шаобай:

— Шаобай невежественен и не разбирается в живописи.

С чего бы мне туда идти?

— Император подарил князю сладости из дворца и просит господина прийти попробовать.

Гу Шаобай:

— У меня болят зубы...

Хотя я и люблю поесть, но не нуждаюсь в твоём подтверждении.

Гу Шаобай сидел рядом с Гу Цзюньсюанем, вздыхая, когда Минъюэ шепнул ему на ухо:

— Молодой господин, из резиденции князя И снова пришли...

Не дожидаясь окончания фразы, Гу Шаобай уже вышел из комнаты.

Стройный слуга поспешно поклонился:

— Мой князь сказал...

— Пошел вон!

Махнув рукавом, он приказал слугам закрыть ворота.

— Он сказал только одно слово? — Му Цинфэн нахмурился.

Слуга дрожал, почти прижимаясь к полу:

— Д-доношу... князь, да.

Лэн Дун сделал знак, и слуга поспешно выбежал.

— Лэн Дун, ты сказал, что видел, как Гу Шаобай и тот человек в переулке...

— Князь, это тот, кто спас господина Гу в «Саду Цзэнин», — сказал Лэн Дун.

Маленький шпион, которого Му Цинфэн подслал в дом Гу, сообщил, что вторая жена Гу Цзюньсюаня сбежала с управляющим. Он боялся, что Гу Шаобай расстроится, и отправил Лэн Дуна тайно проверить.

В результате Лэн Дун проследил за Гу Шаобаем, который отправился в маленький двор, а затем увидел, как его поцеловали. Зная, что Цзи Цзяньчэнь обладает неплохими боевыми навыками, он не подошел слишком близко и поспешил доложить Му Цинфэну.

Лицо Му Цинфэна было мрачным, хотя эмоции не проявлялись, но Лэн Дун видел, что назревает буря. Он поспешно шепнул:

— Князь, я видел, что господин Гу, похоже, не очень рад...

— Выйти!

Лэн Дун поспешно вышел, тихо закрыв за собой дверь, и столкнулся с Чжоу Пинем, который выглядел обеспокоенным. Он безнадежно покачал головой. Все знали, что их князь на этот раз сильно разозлился!

Как говорится, «счастье не приходит дважды, а беда не приходит одна». На следующий день после побега Ли Чжэньхэ из Чжанчэна пришло срочное сообщение: главный склад аптеки загорелся по неизвестной причине, потери неисчислимы.

Чжанчэн был родным городом семьи Гу. Хотя такой инцидент не нанес серьезного ущерба, но если поставки будут нарушены, это напрямую повлияет на столетнюю репутацию семьи Гу.

Гу Цзюньсюань не стал продолжать оплакивать побег жены и вместе с младшим братом Гу Цзинсюанем в ту же ночь собрал вещи и на рассвете отправился обратно в Чжанчэн.

Гу Цинбай отправился на юг по делам и еще не вернулся, в Цзинлине остался лишь третий управляющий Гу Кансюань.

Проводив отца и дядю, Гу Шаобай сидел в своей комнате, охваченный тревогой.

После полудня он отправился в усадьбу Мо Жаня, но ему сообщили, что молодой князь в последнее время усердно занимается делами и часто ночует в управлении Министерства церемоний.

Гу Шаобай знал, что Мо Жань влюблен в дочь министра Лю, мисс Мэйшэн, и недавно просил его написать любовное стихотворение. Он вовсе не был занят, просто старался произвести хорошее впечатление на будущего тестя!

Погоуляв немного на улице, он вернулся в усадьбу ближе к вечеру. Небо было хмурым, казалось, вот-вот пойдет дождь.

Только подойдя к воротам, он увидел слугу из резиденции князя И, который беспокойно крутился у ступенек. Раздраженно взглянув на него, он уже собирался войти.

Стройный слуга подошел к нему, держа в руке письмо, и с подобострастной улыбкой сказал:

— Господин, мой князь передал вам письмо.

Гу Шаобай обошел его, даже не собираясь брать письмо.

Слуга последовал за ним:

— Князь сказал, что господин пожалеет, если не прочтает это письмо.

Гу Шаобай даже не обернулся:

— Я пожалею, если прочитаю.

Слуга добавил:

— Князь сказал, что если господин не возьмет письмо, он передаст вам три слова.

— Переулок Лючжи.

Гу Шаобай резко остановился. Маленький двор, где жил Му Люнянь, находился в северной части города, в переулке Лючжи.

Он развернулся и взял письмо. Конверт был запечатан сургучом. Нетерпеливо разорвав его, он увидел знакомый почерк: «Жду в усадьбе Чжоу. Если не придешь, человек в переулке Лючжи в опасности».

Угроза, откровенная угроза!

Гу Шаобай порвал письмо на куски и развеял их в воздухе, чувствуя, как в груди все сжимается. Он не хотел иметь ничего общего с Му Цинфэном, но, очевидно, тот думал иначе.

Он мог не думать о себе, но не о Му Люняне!

Капля холодной воды упала на его щеку. Подняв голову, он увидел, как за ней последовали другие. Осенний дождь, наконец, начался.

Еще не успев промочить землю, он уже промочил сердце!

— Как тебя зовут? — спросил Гу Шаобай, идя под зонтом, который держал слуга.

— Ваш слуга Чжоу Юань.

Гу Шаобай посмотрел на него. Он был молод, с приятной внешностью и покладистым характером.

— Ты тоже Чжоу? Родственник Пинь Шу?

Чжоу Юань стоял под дождем, зонт полностью накрывал Гу Шаобая:

— Я дальний племянник дяди Чжоу. После смерти родителей я стал служить в резиденции князя.

Гу Шаобай потянул его под зонт:

— Подойди ближе, твое плечо промокло.

Чжоу Юань отказался:

— Не нужно, я не боюсь промокнуть. Лучше, чтобы господин не промок.

Гу Шаобай насильно втянул его под зонт и мягко сказал:

— Я буду звать тебя Сяо Юань. В последнее время я плохо к тебе относился, не обижайся, это не было направлено на тебя.

Неужели я сделал Сяо Цзи слишком противным?

Он правда любит Гу Сяошоу!

Ещё раз меняю название, это неизлечимо!

<http://bllate.org/book/16730/1538919>